

УДК 811.111.1'373

Лаврова Н.А.

Московский педагогический государственный университет

**КОНТЕКСТ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО СНЯТИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ
И УТОЧНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ
АНГЛИЙСКИХ КОНТАМИНАНТОВ)***

N. Lavrova

Moscow State Pedagogical University

**CONTEXT AS THE OPTIMAL MEANS OF SEMANTIC DISAMBIGUATION
(BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH BLENDS)**

Аннотация. В настоящей статье анализируются значение и смысл контаминированного слова современного английского языка, реализуемых в контексте. Исходя из широкого понимания контекста, автор показывает, что семантика стилистического контаминанта всегда формируется в контексте, поскольку такое слово является окказиональной речевой единицей, не фиксируемой словарными источниками. Кроме того, имплицитивный смысл контаминанта обусловлен всей совокупностью фоновых знаний реципиента, а также феноменом пресуппозиции.

Ключевые слова: контаминация, контекст, микроконтекст, макроконтекст, тематический контекст, экспрессивно-коммуникативная функция, фоновые знания, пресуппозиции

Abstract. The given article is devoted to the consideration of both meaning and sense of a contaminated word in modern English. Taking into account a broad understanding of context, the author demonstrates that the semantics of stylistically marked contaminated words is always contextually bound, insofar as such words are occasional speech units that are not registered by dictionaries. Apart from that, the article reveals that the implied meaning of contamination is constituted by the recipient's background knowledge as well as by the phenomenon of presupposition.

Key words: contamination, context, microcontext, macrocontext, thematic context, expressive function, background information, presupposition.

Под контекстом понимается вербальное окружение рассматриваемого языкового элемента, то есть слова и фразы, предшествующие ему и следующие за ним, а также отношения и связи с этими словами, влияющие на его значение и понимание (вслед за И.В. Арнольд, И.А. Банниковой 1972; Р.А. Будаговым 1965).

В более точных терминах контекст определяется Г.В. Колшанским как «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы» [1, 47].

Для установления содержания той или иной языковой (или речевой) единицы, помимо собственно лингвистического контекста (то есть контекста в узком понимании) может привлекаться и экстралингвистический контекст. «В настоящее время в науке существуют два понятия контекста: 1) более широкое, включающее в себя факторы, сопутствующие вербальной коммуникации, начиная от конкретной ситуации, в которой происходит общение, и кончая всей совокупностью культурных и социальных условий, определяющих весь смысловой и языковой комплекс коммуникативных актов; 2) более узкое, имеющее в виду собственно лингвистический контекст, ограничиваемый рамками чисто языкового воплощения содержания коммуникации и детерминируемый конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических значений речевого акта» [2, 38].

* © Лаврова Н.А.

В широком понимании контекст – это не только непосредственное вербальное окружение языковой единицы, но также условия или особенности ее употребления в речи, связанные с различными историческими, культурными, социальными, ситуативными и другими факторами. И хотя, как считалось прежде, лингвист должен был бы ограничиваться рассмотрением собственно языковых фактов, нельзя отрицать того, что последние «не могут быть поняты достаточно глубоко и полно без учета экстралингвистических моментов, без учета всех аспектов контекста в указанном смысле» [3, 96].

При анализе языкового и речевого материала некоторые исследователи предлагают пользоваться терминами микро- и макроконтекст. Под микроконтекстом понимается ближайшее окружение, в котором существует непосредственная связь между словом и окружающими его единицами. Это либо контекст предложения, либо его части, поскольку в рамках предложения минимальным окружением семантически реализуемого слова, необходимым для его понимания, может служить и одно поясняющее слово, и группа слов.

Если в предложении не содержится указания, достаточного для раскрытия семантики реализуемого слова («индикатора», по терминологии Н.Н. Амосовой 1968), то возникает необходимость обращения к макроконтексту, состоящему из цепочки предложений, целого абзаца, главы. Макроконтекстом могут служить и рамки всего текста в целом.

Еще один вид контекста получил название тематического [Э.М. Медникова 1974; Г.В. Колшанский 1959]. Отмечается, что этот тип контекста имеет первостепенное значение при определении семантики слова в произведениях художественной литературы, особенно поэзии, где его коннотации часто обусловлены художественным видением автора, всем строем, всей направленностью произведения. С. Ульман считает контекст всего произведения оптимальным для целей стилистического анализа – “the type of context within which stylistic analysis can most profitably operate” [4, 37-38].

В цитированных работах Г.В. Колшанского справедливо отмечается, что вне контекста невозможно осуществление экспрессивно-коммуникативной функции языка. Реализация значения любого неоднозначного узуального слова происходит только в контексте, ибо «контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка. Коммуникация не может существовать вне контекста, а следовательно, ни одно явление языка не может рассматриваться вне этих условий» [2, 134].

Трудно не согласиться с тем, что особенно большую значимость контекст приобретает для адекватной интерпретации именно контаминированного слова. Как правило, «относительно изолированное слово (слово в языке, а не в речи) в семантическом плане представляет собой систему социально закрепленных семантических потенций, и при его употреблении в речи актуализируется одно из исторически закрепленных в нем значений» [5, 2]. (Это, однако, один из возможных случаев, так как в художественном тексте автор может намеренно увеличивать многозначность, создавая возможность одновременной реализации двух или более значений и придавая слову дополнительные коннотации, нередко за счет ослабления денотативного значения – прим. Н.Л.). В отношении контаминированного слова можно сказать, что оно далеко не всегда обладает социально закрепленным и устоявшимся значением, которое бы актуализировалось в разнообразных контекстах. Таким образом, ключом к прочтению контаминанта является контекст, в пределах которого он функционирует.

Что касается возможности выведения значения слова без опоры на контекст, то можно априори предположить, что различные типы контаминантов (терминологические и стилистические) в разной степени нуждаются в такой опоре.

Контекст реализует в языке то диалектическое противоречие конкретности и

абстрактности, однозначности и многозначности, которое является существенной характеристикой системы языка. Контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка. Коммуникация не может существовать вне контекста, а следовательно, ни одно явление языка не может рассматриваться вне этих условий. Во всеобщей категории контекста могут выделяться особые стороны и аспекты, среди которых можно отметить собственно лингвистические (интралингвистические) и экстралингвистические факторы. К собственно лингвистическим факторам контекста относятся все единицы вербального окружения, то есть внутриязыковое окружение соответствующего фрагмента высказывания – словосочетание, предложение, текст. В сфере экстралингвистических факторов следует различать обстоятельства, вообще не имеющие языкового характера и представляющие собой совокупность объективных условий осуществления коммуникации. Это так называемые внешние экстралингвистические факторы, включающие в себя понятие речевой ситуации, характеризующейся наличием места, времени и цели сообщения, а также самих коммуникантов. К внутренним экстралингвистическим факторам относится вся сумма фоновых знаний коммуникантов, определяющие выбор информационных элементов для формирования конкретного высказывания. К таким фоновым знаниям относится прежде всего тезаурус коммуникантов, простирающийся от знания терминов предмета сообщения до знания соответствующих реалий. Это непосредственные фоновые знания, включаемые в восприятие речи. К фоновым знаниям относятся также все виды декодирования сообщения на базе возможных умозаключений и пресуппозиций, основанных на тех или иных маркерах текста.

Одной из фундаментальных проблем исследования значения языковых единиц как на лексическом, так и на грамматическом уровне является проблема определяющего

характера соответственно самого значения единиц или их контекстуального окружения. По-другому эта проблема может быть сформулирована как проблема субстанционального или реляционного значения языковых единиц. Рождается ли значение слова в контексте или сам контекст определяется значением входящих в него элементов?

На первый взгляд, само понятие контекста предполагает признание в качестве предварительного условия правильного восприятия значения той или иной единицы необходимости развертывания фразы в конкретном окружении, снимающего многозначность целого высказывания или его части. В то же время, отмечая неоспоримый факт линейного построения высказывания, нельзя одновременно говорить о том, что контекст неизбежно предопределяет значение языковых единиц по той причине, что контекст не рождается до формирования высказывания, но является производным от линейной организации коммуникации. Контекстуальная реализация смысла фразы начинается не с момента завершения фразы, в которой значение каждой единицы входит в общую структуру фразы и тем самым в этом микроконтексте осуществляет свое то или иное смысловое задание: контекст появляется в момент формирования фразы, так как выбор той или иной лексемы или грамматической формы на каждом этапе формирования фразы должен быть задан всем контекстом будущей фразы.

Любое высказывание имеет содержание, отражающее какие-либо фрагменты действительности, что представляет собой субстанциональный, или онтологический смысл высказывания. В то же время высказывание всегда помещается в рамки какого-либо коммуникативного акта, где его субстанциональный смысл вступает в определенные отношения со смыслами окружающих высказываний и таким образом получает свою реляционную характеристику. Иными словами, любое высказывание обращено в две стороны – к отображаемым фактам и к смыслам других высказываний. Представляется, что

подлинное содержание речевого отрезка может быть раскрыто при учете как субстанционального, так и реляционного понимания значения слова.

Говоря об отношении текста и контекста, следует отметить, что они составляют неразрывное единство, регулируемое познавательной функцией мышления. Построение текста находится в прямой зависимости от смыслового содержания передаваемой информации и строго упорядоченной системы контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы. Непременным условием раскрытия значения языковых единиц должен рассматриваться контекст на уровне всего текста, представляющего собой некоторую завершенную коммуникацию. При этом можно говорить о двух основных уровнях понимания текста – языкового, или первичного кодового, в известном смысле буквального и непосредственного значения текста, выводимого на основе языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих – формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных; глубинного и неязыкового, ситуационного, вторичного кодового значения текста, то есть того содержания, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил через языковое значение. Для выявления последнего требуются не только языковые, но и неязыковые знания и ассоциации, а также учет разнообразных факторов речевой ситуации – специфики предметной области, с которой связано высказывание, условий коммуникации, индивидуальных особенностей автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах.

Поскольку только в тексте разворачивается цельная конкретная коммуникация, а само общение приобретает законченный информационный акт, можно утверждать, что текст представляет собой основную единицу коммуникации. Признаком текста являются не только его объем и смысл в их единстве, определяющем текст как дискурс, но и его внутренняя организация, представляющая собой тот или иной вид грамматической

структуры. Грамматичность текста есть прежде всего последовательность высказываний, объединенных некоторой общей темой, идеей и предметом обсуждения. Если в пределах текста определяющим для однозначного восприятия высказывания будет смысл, то этот смысл заключен в тех контекстуальных условиях, которые предшествуют или следуют за этим высказыванием. Грамматическая и смысловая интерпретация текста представляют собой исследование контекстуальных условий функционирования языковых единиц. Смысл любого текста настолько тесно взаимодействует с контекстом, что можно говорить о двух сторонах одного и того же явления.

Контекст как совокупность условий понимания высказываний связывается и с так называемым фоновым знанием как необходимым фактором корректного речевого общения. Фоновое знание определяется в работе О.С. Ахмановой как «вертикальный контекст» в отличие от собственно языковых знаний – горизонтального контекста. Определяя фоновые знания как «совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителей данного языка», автор замечает, что «без него невозможно языковое общение» [6, 49]. Как особый вид этого знания О.С. Ахманова называет знание, связанное с адекватным восприятием всех видов аллюзий, а именно «образов, метафор и других видов высказываний, предполагающих у читателя знание определенного историко-филологического материала» [6, 47]. Фоновые знания как условие контекстного восприятия текста характеризуют семантическую структуру языка как нечто, относящееся к объективному контексту данного высказывания.

Термин «фоновые знания» иногда употребляется как синонимичный лингвистическому термину «пресуппозиция». В настоящей работе предлагается понимать пресуппозицию как всю совокупность знаний коммуникантов, используемых как для прямого, непосредственного понимания высказывания,

требующего фоновых знаний, так и для последующего уточнения смысла высказываний путем обращения к предварительным знаниям широкого плана.

Пресуппозиция как один из способов построения устного алгоритма восприятия текста действует в границах определенной связи цепи относительно законченных высказываний, где смысловая завершенность фразы зависит от другой в пределах некоторого семантического поля. Это семантическое поле в процессе коммуникации формируется как тема общения между коммуникантами (устно или письменно). Семантическое поле представляет собой некоторый дискурс – логически и семантически связанное рассуждение, в котором каждое звено последовательно или рекурсивно связано с другими (ср. диалог, доказательство, рассказ, изложение, повествование, монолог и т. д.). Так как дискурс имеет определенную внутреннюю систему связей, понимание каждого звена этой системы возможно только при учете всех контекстуальных взаимодействий текста дискурса. Пресуппозиция есть потому не что иное, как способ семантического анализа текста, раскрывающего указанные связи между высказываниями и основывающегося на определенных предположениях, прогнозировании семантики слов, словосочетаний и предложений, входящих в текст. Подобное прогнозирование задается прежде всего темой дискурса, а однозначное восприятие каждого конкретного высказывания строится по принципу понимания звена в некоторой цельной завершенной конструкции.

Логическая структура пресуппозиции представляет собой формулу импликации вида «если...то», например, если темой рассуждения является X, то значение слов, проявляющееся в тексте, должно быть производным от X, то есть связанным с X, но не обязательно сводимым к нему. При этом основанием для установления семантики слова или высказывания служат не только языковые данные, доступные в той или иной степени каждому коммуниканту, но и данные, связанные с фактическими, научными,

культурными, эстетическими и другими знаниями, что и дифференцирует правильность и глубину понимания текста коммуникантов в зависимости от их компетенции, которая распространяется от наиболее низкой степени знания элементарных жизненных реалий до специальных научных знаний.

По В. Селларсу (1954), понятие пресуппозиции может быть сформулировано в терминах «веры» (beliefs) говорящего – слушающего: мысль, которая пресуппонируется в некотором высказывании выступает как вера говорящего в истинность того, что он говорит и в то, что слушающий полагает то же самое. Таким образом, пресуппозиция относится прежде всего к условиям успешной коммуникации. Приведем некоторые примеры:

Medicine

Blood simple

Because they lack an essential component (nitric oxide), blood transfusions may be killing some of the patients they are intended to save.

If there are any sure bets in medicine, you might think that “blood transfusions save lives” is of them. But there aren't. Even though deaths caused in the 1980s by accidental HIV infection mean that donated blood is now screened meticulously to keep it free of infectious agents, there is still a nagging feeling that something is wrong...The amount of nitric oxide in stored blood does decrease – and does so rapidly. Within a day of storage, blood loses 70 % of its nitric oxide. After a few days up to 90 % has been lost [7, 93].

Английское “simple” представляет собой контаминант от “sample” – образец – и “simple” – простой. Адекватное восприятие заголовка основано на предположении (пресуппозиции) автора о том, что читателю знакомо выражение “blood sample” – банк донорской крови. Экспликации в первую очередь именно этой семантики заголовка способствует визуальный ряд – в начале статьи журнала “The Economist” помещена картинка, изображающая мини-пакеты с донорской кровью. В то же время определение simple представляет собой некоторую оценочную характеристику того, о чем идет речь в статье. И действи-

тельно – автор говорит о том, что сохранить донорскую кровь не так уж «просто», поскольку со временем количество окиси азота (nitric oxide) – вещества, ответственного за обеспечение крови кислородом – значительно уменьшается. Таким образом, simple – это своего рода намек на то, что состав крови отнюдь не «простой», а точнее, очень сложный.

Bac to school

Nicolas Sarkozy wants to shake up France's school

Laden with hefty backpacks, French children filed back to school this week amid fresh agonizing about the education system. Given its reputation for rigour and secular egalitarianism, and its well regarded *baccalaureat* exam, this is surprising. What do the French think is wrong?

The criticisms touch all levels. One in five finish school with no qualification at all. Even the *baccalaureat* is under attack. This year's pass rate of 83 % is up from just over 60 % in the early 1960s. "The *bac* is worth absolutely nothing", asserts president of the Sorbonne-University of Paris [8, 55].

Первое слово в заголовке статьи – *bac* – представляет собой омофонический контаминант от английских *back* – назад – и *bac* – экзамен в средней школе во Франции (ср. бакалавриат). Правильная интерпретация заголовка возможна только при наличии фонового знания читателя о существовании экзамена "*baccalaureat*" во французских школах, в противном случае может показаться, что *bac* – просто опечатка от английского *back*. Мотивация названия обусловлена тем, что в статье говорится об уменьшении количества школьников, успешно сдающих бакалаврский экзамен. Более того, по мнению ректора Сорбонны, результаты этого экзамена не всегда служат показателем глубины знаний школьников (абитуриентов).

Right to bear alms

What conservatives get and do not get about foreign aid

One went quickly and quietly, the other is still fighting his corner. But the two men George Bush picked to lead the struggle against world poverty have both embarrassed the institutions they

fronted. Randall Tobias, who directed America's foreign aid efforts, resigned on April 27th after admitting he was a client of an escort service now being busted for prostitution. Meanwhile, Paul Wolfowitz, president of the World Bank, is still enduring a pummeling for his role in sweetening his girlfriend's exit from the bank, shortly after his arrival two years ago. As the *Economist* went to press, he had lost his authority, but not yet his office [9, 14].

Заголовок статьи представляет собой контаминант-аллюзию на известную поправку к американской Конституции, разрешающей гражданам носить оружие (*right to bear arms*). В статье говорится о двух приближенных президента США, призванных бороться с бедностью во всем мире. Читатель узнает о том, что, несмотря на возложенную на них благородную миссию, Рэндал Тобиас и Пол Вулфовиц оказались в центре скандала, ставящего под сомнение их морально-нравственный облик. В результате Рэндал Тобиас был вынужден уйти в отставку. Таким образом, заголовок можно интерпретировать следующим образом: с одной стороны, "*right to bear alms*" – это право или, точнее, возможность возглавлять институт, помогающий бедным и обездоленным во всем мире; с другой стороны, это намек на то, что, вероятно, доходы Рэндала Тобиаса и Пола Вулфовица значительно уменьшатся после ухода со своих постов.

Mobile phones

When in roam

Regulation is not the only thing driving down the cost of making calls abroad

It is the mobile-phone industry's "dirty little secret", says Mark Newman of Informa, a market research company. He is talking about international roaming – calls placed and received by subscribers when traveling abroad. Analysts reckon that roaming charges account for 5-10 % of operators' revenue globally, and a bigger slice of profits. Europe high prices have stirred regulators into life. In the teeth of furious opposition from operators, the European Commission is close to imposing wholesale and retail price-caps on roaming calls [10, 82].

Английский контаминант *goat* – результат стяжения слов *goat* – бродить – и *Rome* – Рим. Выражение “when in *goat*” представляет собой начало известной пословицы “When in Rome, do as the Romans do”. Название статьи оправдано тем, что в ней идет речь о международных звонках (ср. заимствованное в русский язык слово «роуминг») и о предстоящем повышении цен на роуминг в Европе. Таким образом, импликация заголовка следующая: находясь в Европе и делая международные звонки, в скором времени пользователям сотовой связи придется платить больше.

Таким образом, контекст является универсальным средством снятия семантической неоднозначности, прежде всего, окказиональной или стилистически маркированной лексической единицы, каковой, в частности, является контаминированное слово, значение которого не только определяется, но и формируется в контексте, под которым в широком смысле понимается не только непосредственное вербальное окружение слова, но и фоновые знания реципиента, различного

рода пресуппозиции, а также различные исторические, культурные, социальные, ситуативные и другие факторы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания. – М., 1959. – № 4. – С. 47-49.
2. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 147 с.
3. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. – М.: Высшая школа, 1974. – 201 с.
4. Ullman S. Style in the French Novel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1957. – 272 с.
5. Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст // Стиль и контекст. – Л., 1972. – С. 1-13.
6. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. – ВЯ. – 1977. – №3. – С. 49.
7. The Economist. – New York, 2007. October, 13th. – P. 93.
8. The Economist – New York, 2007. September, 8th. – P. 55.
9. The Economist. – New York, 2007. May 5th. – P. 14, 82.
10. The Economist. – New York, February 24th, 2007. – P. 75.